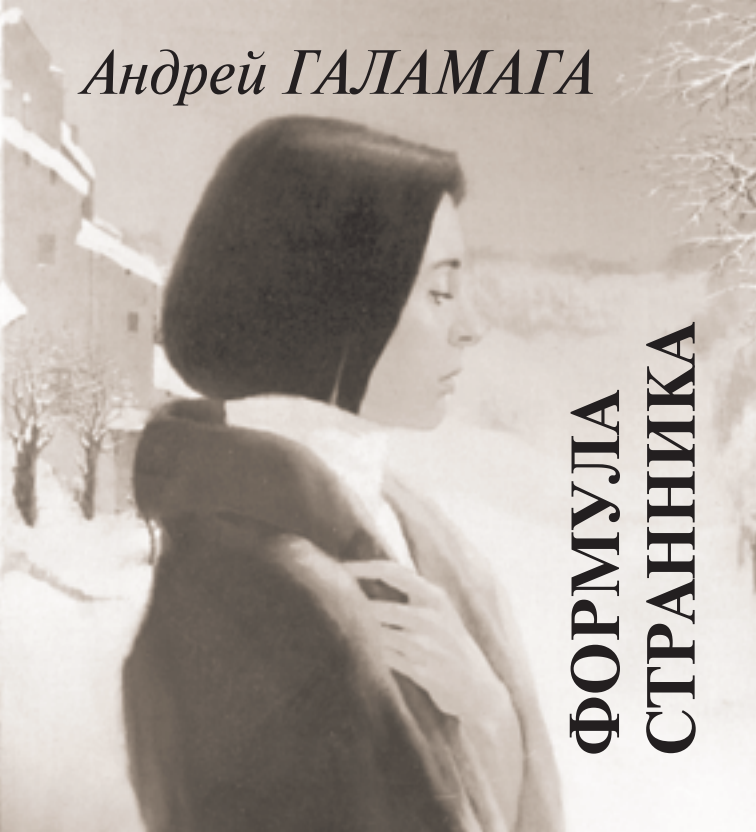

Андрей ГАЛАМАГА

**ФОРМУЛА
СТРАННИКА**

Андрей
ГАЛАМАГА

**ФОРМУЛА
СТРАННИКА**

Книга стихотворений

"ЭПИФАНИЯ"
Москва, 2002

**Автор предисловия
и редактор Эдуард Балашов.
Верстка Ирины Артес.
Художник Александр Резвяков.**

Печать офсетная. 4.875 печ.л. Тир. 3000 экз.

**Издательство "ЭПИФИНИЯ".
Тел. (095) 916 8708.**

ISBN-5-86170-051-6

©Текст, А. Галамага, 2002.

©Оформление, А. Резвяков, 2002.

©Издательство "Эпифания", 2002.

Содержание

1. СТРАННИК

Странник	9
Проснуться - чтобы... ..	10
Формула Филонова	12
Дождь в июле	13
«Высвобождена клавиатура...»	16
Выбор	17
«Уплываю на край света...»	18
Стихи в сто семь слов... ..	19
«Рифма, как проклятие...»	21
«Ничто не печальней...»	23
Ночной свет	24
Дом	25
«Пора! Колючий день...»	27

2. ДОРОГА

Родство	31
Ночная река	33
Рыба	35
Поправка	36
«Распахнутые стены...»	39
Путь	41
Железнодорожная симфония	47
Вокзальная сюита	48
Крученых	49
Часть II. Портрет.	51

Трехстишия	53
Песня	57
Стоп	61
«Филонов Павел...»	63
Опора	64
Луна над крышей	66

3. ПИСЬМА

«Опять я заполночь сажу...»	71
Тишина	73
«Не тоска - а уходить пора...»	74
«На земле ничего...»	75
«Видно, мне не впрок...»	77
«Что женщина ни говори...»	78
«Коль не суждено...»	79
«Да, ты прелестней...»	81
«А помнишь, ты приехала в мой дом...»	82
«Волшебные глаза...»	84
К. Крикунову	85
С. Туркуевичу	88
В. Пучкову	90

4. ПУТЬ

Осень в горном Алтае	97
Ствол	100
Врубель в Киеве	101
«Зима сминается оберткой...»	104

Старуха	105
«Как белый лист...»	107
Дождь в старой Риге	109
Ночная гроза	111
Бесы	113
Театр в Заполярье	114
Разговор колхозников	116
«Обозвав мои взгляды капризом...»	119
Симфония Шостаковича	120
Ярославль	121
«Студеным утром...»	123
Август	125
«Дождь осторожный...»	126

5. ВОЗВРАЩЕНИЕ

«И снова возвращаюсь...»	129
«Кто сроду не творил себе кумира...»	133
Гражданин и Поэт	134
Плач Альфреда Шнитке	141
Мел	142
Старый учитель	143
Дуэль	145
Песня о возвращении	146
Суд	148
«Средина августа...»	150
Рождение	151
Всенощная	153

Грешное занятие

Так поэт Андрей Галамага определяет то, что называется «говорить стихами». Но грех есть долг, а талант - по выражению Боратынского - поручение. «Благ - кому достало сил не сказать ни слова». Почти по Лао-цзы: «Кто знает - не говорит».

*Нарушить молчание проще простого,
Но часто наполнить молчание нечем.*

Новая книга Андрея Галамаги - наполняет молчание весомым зрелым словом, ибо цель творчества для поэта - «говорить для Бога».

Автор нашел свою ноту в поэтической симфонии мира. Мысли его неординарны, средства выражения органичны и своеобразны. Мало кто из современных поэтов увидел неприглядную примету уходящей деревни - ставни. Окнам больше повезло: о них сложены стихи, песни, поэмы. А вот А.Галамага - певец ставен. И, естественно, не в утилитарном смысле - философском. Не окна - помеха свету, а ставни. Не пустые окна - свидетели заброшенных домов, а заколоченные ставни.

*И в плюшевом зеркале утра
закрытые ставни искрились,
Как ровные лица монахов,
которым четыреста лет.*

Именно ставни живут не по времени, а по срокам:

Я стану судьбою распахнутых ставен.

Но ставни на окнах не вечны. Вечно «теплится молитва в алтаре». И Россия распахнет свои ставни и воскреснет, как воскрес Христос. И все мы будем свидетелями, как трижды содрогнется мирское недро, услышав пасхальный возглас: «Христос воскрес! - Воистину воскрес!»

Поэт Эдуард Балашов.

1. Странник

СТРАННИК

Я стану судьбою распахнутых ставен
и свет колокольни на землю сведу,
к дрожащему небу приникну устами
и тонкой рукой отодвину беду,

рассветной порою из города выйду
и стану озябшую осень вдыхать.
А добрые люди не выкажут виду,
что видели тень у заброшенных хат.

И так я пройду через землю сырую,
покуда снега ее не замели,
подставив лицо под живящие струи
молчания неба и звона земли.

ПРОСНУТЬСЯ - ЧТОБЫ...

Проснуться - чтобы почувствовать разницу между беспечностью леса и злостью площадей, где желтеет от зависти обанкротившаяся осень.

Обнаружить - что нераскрытая формула или застывшая в лужах тина - техника вымышленного офорта - сухая игла, акватинта.

День пятый сливается с первым - на посиневшем западе горизонт напрягает нервы и взмывает в небесную чашу.

В этот момент - поверьте - можно увидеть в стекле отражение человека, шагающего по кронам деревьев.

Город - склонился низко - вовлеченный в скороговорку барьерного бега. Редко капает дождь. Ты становишься цифрой на диске и в тебе звенят двухкопеечные монетки.

Все закружилось
в стеклянном восторге. Наконец -
не кровь струится по жилам,
а раскаленный свинец!
Нужно остановиться
(до зимы - чуть меньше, чем полшага;
смотри - у прохожих на лицах
сверкают кристаллики с зимнего флага) -
оборвать пестрые листья - и бросить
под ноги.
Пусть - затерявшись в ворсинках ковра -
истлеют (стать великим - просто -
если только - не умеешь - соврать).
Что - еще? Разорвать облака. Увидеть ясно -
вчера и завтра. Подняться
и понять - что где-то
невозможно поставить точку -
там сливаются волны предметов,
сбросивших выцветшую оболочку.

ФОРМУЛА ФИЛОНОВА

Глаза и руки - срез начала.
Лицо ушло в какой-то час,
лишь брови держат лунки глаз,
как лодки - черные причалы.

И глаз безжалостно - насквозь
пронзил мировые сплетенья;
другой мерцает мягкой тенью -
в нем боль за всех,
нет только слез,

лишь кисть руки - висок сжимает,
и в каждом пальце - стон морщин,
как будто только он один
земному бытию внимает.

ДОЖДЬ В ИЮЛЕ

Окно пришлось закрыть.
Косые капли,
подпрыгивая, падали на стол;
на подоконник брошенная тряпка
в себя впитать всю воду не могла;
и медный образок со старого киота
забыл свой тусклый цвет
и заблестел.
Закрытое окно едва спасало,
подставив стекла под крошечный дождь;
не дождь - а летний водопад обрушен
был на деревья, крыши и траву.
Я мог бы так следить, наверно, вечность
дождя неудержимое паденье;
но стол, к окну придвинутый, был вовсе
не виноват.
Окно пришлось закрыть.
Ночные бабочки прилипли к стеклам
и стали экспозицией музейной.
Дождь то стихал, то снова ударял,

и миллионы крошечных ударов
соединялись в гул молотобойный
на расстоянью вытянутых рук.
От ошущенья близости ударов
хотелось пальцы поджимать и прятать,
чтоб, не дай Бог...

Окно пришлось закрыть.

Но долго дождь не мог, конечно, длиться;
он становился тише, тише, тише...

Тогда я посмеялся над собой,
над каплями дождя,
над детским страхом,
невесть откуда взявшимся.

Окно

я снова распахнул;

дохнуло

в мой кабинет прохладой дождевою;
остатки капель пролетали с неба
и застревали в вымытой листве;
и странно было видеть эти капли,
которые тому назад мгновенье
являли угрожающую силу,

что даже вишню повалило набок
невиданным крушением воды.
Уже не ливень - моросящий дождь
принес с собой случайный, осторожный,
как будто заблудившийся, раскат,
и все замолкло.
За окном березы,
как прежде, над домами возвышались;
усталый стук колес по полотну
решился робко о себе напомнить;
с несмелым лаем вылезли из будок
собаки по дворам;
и наступивший, казалось,
вечер вновь сменился днем.
И все на свете снова продолжалось:
в саду упало яблоко на землю,
пронесся стриж, порхнула трясогузка,
прохожие пошли своей дорогой;
один лишь дождь, смиренный христианин,
с сознанием исполненного долга
последний раз вздохнул
и перестал.

* * *

Высвобождена клавиатура
Воздух сжался в звуковой сигнал.
Музыканту не важна натура,
Ни любовь, ни смерть, ни идеал.

Растекается брусчаткой клавиш
Ломкий ливень падающих рук;
Ты играешь, как диагноз ставишь, -
Как стрелок, стреляющий на звук,

Как возница, правящий упрямо, -
Там, где невозможно повернуть,
Там, где можно ехать только прямо,
Хочешь отыскать окольный путь,

Но не в том ли смысл, чтоб, шаг за шагом
Сделав вариациями тем,
Поперек пути пролечь зигзагом -
Первой буквой, новым бытием?

ВЫБОР

Мы не привыкли выбирать
Между неравенством и рабством,
Между свободой и братством
Мы не привыкли выбирать.

Вот к миске суповой щенки,
Едва прорежутся клыки,
Несутся, заливаясь лаем.
Не так ли мы - не сознаем,
Что предпочтенье отдаем
Тому, чего - не выбираем.

* * *

Уплываю на край света
На березовом плоту,
Тонкой ниточкою света
Зашивая темноту.

**СТИХИ В СТО СЕМЬ СЛОВ НАПИСАННЫЕ,
КОГДА КАЖДЫЙ ДЕНЬ МЕНЯ ПОСЕЩАЛИ
ГОСТИ, И Я НЕ УСПЕВАЛ НЕ ТОЛЬКО ПИСАТЬ,
НО И ВЫПОЛНЯТЬ ЗАДАНИЯ ЖУРНАЛА И БЫЛ
НЕ РАД СВОЕМУ ГОСТЕПРИИМСТВУ**

Еще до света я спешу к столу,
сажусь читать чужие упражненья
в стихах и прозе. Вот еще один -
венок. Его непрехотливый автор
(похоже, что по недоразуменью)
назвал венком сонетов. «Милый друг,
я Вас по поручению журнала
беру к себе на вечные поруки.
Советую культуру повышать
И классиков читать, и набираться
(точней не скажешь) и т.д., т.п.»
А на моем диване в кабинете
посапывает Сашка Полануер,
блаженно улыбается во сне
и сочиняет новую балладу.
Когда же, наконец, и я смогу

вот так, как он, предаться беззаботно
своим стихам, в которых углядят
наследие высокого барокко,
и классицизма строгий схематизм,
и вольность хитроумного идальго,
и безупречность мастера игры.

* * *

Рифма, как проклятие,
Помыкает нами;
Грешное занятие -
Говорить стихами.
Со строки не спросите
Подлинного дива.
Надоело до смерти
Говорить красиво;
Гладко - да не искренне,
Ладно - да не право.
Мыслимо ль об истине
Говорить лукаво?
Пени наши, жалобы -
Что свеча на стуже;
Время не бежало бы,
Было б только хуже, -
Не понять до старости
Самого простого:
Благ - кому достало сил
Не сказать ни слова,

Благ - кто, проникая вглубь
Смысла, а не слога,
Мог, не размыкая губ,
Говорить для Бога.

* * *

*От обычной тоски человеческой,
От простой человеческой тоски.
Б. Бектемир*

Ничто не печальней начального слова,
Да было бы слово основой речи;
Нарушить молчание проще простого,
Но часто наполнить молчание нечем.
И тошно, и душно от слова пустого,
Как тошен впустую растроченный вечер.
Ничто не печальней случайного слова
От неизреченной тоски человеческой.

НОЧНОЙ СВЕТ

Закрыться и писать,
И чутко полночь слушать.
Пусть свет проникнет в душу.
Закрыться и писать.
Кто ждет - не станет лгать,
Кто верит - не изменит.
Ночь убирает тени,
Что днем видны опять.
В ней виден мир точь-в-точь
Таким, как в час творенья.
Приносит день сомненья,
А разрешает - ночь.
Лишь в полной темноте
Исходит свет от лика,
А в полдень, погляди-ка, -
Черты его не те.
Ведь в полночь свет иной,
Он длится отовсюду.
Кто знает - не осудит
Свет глубины ночной.
И если срок истек,
То, ниспадая круто,
Ночь исторгает утро,
Как пахота - росток.

ДОМ

Когда осыпаются окна
на тонкой старинной картине,
Пустеют ночные колодцы
в заброшенном монастыре,
Круги на поверхности лета
качаются в розовой тине,
И счет до полутора длится,
как ночь на скользящем столе.

Был дом перекошен, как руки,
что с темного неба спустились,
Но следом на землю пролился
густой, непредвиденный свет;
И в плюшевом зеркале утра
закрытые ставни искрились,
Как ровные лица монахов,
которым четыреста лет.

От резкого запаха мяты
луна перестала кружиться
И только кидала монетки
к ногам подвывающих псов.

Был дом перекошен, но все же
 веками не мог развалиться,
И фото его продавали
 в киосках непроданных снов.

А люди спешили увидеть
 его во дворе монастырском,
И видели - правда, стоит он,
 хотя неказист и облезл;
Но что-то в нем было такое,
 что все повторяли настырно:
«Неправда! Все это неправда!» -
 И дом постепенно исчез.

* * *

Пора! Колючий день увяз в стакане ночи,
И тонкая земля вступает в хоровод;
Камин упал к ногам - давно уже подточен
Он тиканьем песка и сном подземных вод.
Прохлада из окна разбрасывает ставни,
Дома, как фонари, качаются - их свет
Дробится сквозь стекло, как сквозь сосуд
хрустальный,
И блики на стене слагаются в портрет.
Я вышел из домов и встал на перекрестке,
Где крыши облаков плюмажем шелестят,
И мимо прошагал невиданного роста
Угрюмый человек, - от головы до пят
Укутанный в шелка; глаза его сверкали;
Он молча исчезал, скользя за горизонт:
Так выглядит актер - один в пустынном зале,
И начал бы игру - и вроде - не резон.
В квартирах потолки, как змеи, извивались;
Жильцов клонило в сон - и не могли уснуть.
Приходит человек, когда его не звали,
Чтоб спящих пробудить. И - трогается в путь.

Но я еще не спал и видел, как считали
В оставленных домах непрожитую ночь.
А город стал живым и медленно растаял.
Пора! - подумал я, - и мне отсюда прочь
Уйти за небосвод. Там над большой рекою
Скрестились два моста, как будто в пустоте
Пересеклись следы бесшумных траекторий,
Втекающая, словно сок, в полоски на листе.

2. Дорога

РОДСТВО

Взорвалось небо звездной пылью,
подобно птичьему кольцу.
Но свет не застлал крылья,
приблизившиеся к лицу.
Мои глаза навстречу грому
текли, как реки, к облакам;
в них окуналась, точно в омут,
земля, летящая к рукам.
И все взметнулось,
все взыскрилось -
прозрачность вышла из тоски,
но ничего не повторилось,
что стерли школьники с доски.
Они пришли, и мы притихли;
нам не хотелось уходить,
но в чьей же воле -
в нашей?
в их ли? -
от смерти нас освободить?
Нет! - поклонись и доску вытри;
припомни, как в седьмом часу
взлетали тонкие колибри

и застывали на весу, -
и ты уже не посторонний
в окне, впадающем в лесок,
где клены опускают кроны,
от гибели на волосок.
Возьми, перемены столетья
и, дым вершины накрены,
стегни свой дом тугою плетью,
как нерадивого коня!
И будет день,
и свет прольется,
сбегутся люди в тронный зал,
и, может, в этот миг вернется
все то, что ты не потерял...
Но вновь опустятся туманы,
польется морозящий дождь,
и перепутаются планы.
А ты руками разведешь
и скажешь:
- Это было чудо,
и день длиннее торжества, -
но в смерти может жить рассудок
и приближение родства.

НОЧНАЯ РЕКА

И чтобы встать над ровною водой,
где ночью убывает отраженье,
ненужно свет откинутых домов
менять на произвольное сравненье
себя с неискушенным иностранцем,
который носит фотоаппарат
на животе,
во всем же остальном
неотличим от кузнеца Вакулы,
и он, понятно, этому не рад.
Тебе же, безусловно, безразлично,
кто он на самом деле,
для тебя его наружность не играет роли;
и, даже если внешность симпатична,
ты смотришь внутрь зеркального зрачка,
и твой испуг родит столпотворенье
в его непрекращающихся мыслях,
зеленых, будто сельва Амазонки.
Такой размах неведом никому -
в густой реке мелькают осетры,
и тают бесконечные шоссе,
притоками впадающие в реку.

Но твой черед покуда не настал,
и ты забыл свой исходящий номер,
пришпиленный к рубашке на спине.
О, эта ночь над сонной деревушкой,
когда вползают в реку сотни фар,
а звездочет, размахивая плоской,
слоняется по темным закоулкам,
и в кузницу въезжают иностранцы
на взмыленном гарцюющем коне,
а браконьеры, словно экскурсанты,
глядят на восходящую луну.
Ты машешь неокрепшею рукой
и свет луны бросаешь на дорогу.
День исчезает плавно, понемногу,
и полночь наступает над рекой.

РЫБА

Будет вечер, будет утро, выйдет солнечная глыба,
станет мудро надо мною простирать свои лучи.
Я сойду на берег карты, и летающая рыба
через скомканные реки прилетит меня учить.

Я замру на кромке моря, а потом скажу: «Спасибо
за науку! Но ответь мне, кто ты - сфинкс или змея?»
А она ответит просто: «Я летающая рыба,
через птичьи причитанья молча пролетаю я».

И тогда она увидит из далекой темной ниши,
как спускаюсь я все глубже по камням морского дна;
плавники скользнут по небу, и курортники услышат,
что должно случиться что-то с продолжительностью дня.

ПОПРАВКА

Хотелось бы внести поправки,
но только, говоря по правде,
чем ни заполни пустоту,
она останется пустою.
(Имея внутренний статут,
и я чего-нибудь да стою
перед лицом высоких лиц.)
К чему ведет паденье ниц
перед законом вдохновенья,
когда вчерашний демиург
без риторических фигур
мир создал за одно мгновенье?

Вот так и я: сплетаю тюль;
а за окном горит июль,
кузнечики стрекочут в травке,
на дачах дачники спуют,
дрозды поют, кругом уют.
Мир не нуждается в поправке.

На лицах неги и тоска.
Из-за соседнего леска
выходит лайнер на посадку.
К середине дня - в квартирах жар.
А дачник смотрит на посадку
и думает про урожай.

Не высоко, но и не низко,
и гладко, как у обелиска,
его лицо. Что я пред ним!
А он меня дарит улыбкой.
Да он мне ближе всей родни,
мне он не кажется ошибкой.

Так что же нужно исправлять?
В *менять* обратно *е* на *ять*?
В конце концов, какое дело
мне до поправок и замен,
измен коварных Мельпомен
(*трагедия* мне надоела;
хотя я в ней не вижу зла,
но это точно - *песнь козла*)?
Уж лучше тюль - нитье и спицы!

А мир и без меня сотрут.
Пускай на мой прилежный труд
глядят возвышенные лица.

Но с легкой трели соловья
хор переходит в *соло* - в *Я*;
и вот на острие булавки
мне выпадет прочесть, что лесьть
бессильна там, где знает честь,
а честь - не требует поправки.

* * *

Распахнутые стены
 глядят на нас с тревогой,
Расплавленные окна
 сжигают ветер слов,
И хриплый голос неба
 бросает нам под ноги
Хрустальные осколки
 ночных колоколов.

А мы идем по крышам,
 смеемся над домами,
Над маковками башен
 смеяться - нелегко,
И мы обходим башни
 огромными шагами
И пьем из чаши неба
 парное молоко.

Смотрите - мы проходим
 по красному забору

И с дымом выдыхаем
сгоревшие слова,
Из окон - кто-то взгляда
не сводит с нас упорно,
От напряженья мысли
дымится голова.

Давай - иди за нами! -
Он машет нам рукою, -
Мол, что вы в самом деле,
спускайтесь, лучше, вниз. -
Нам некогда. Мы греки.
Мы осаждаем Трою...
Вопрос в немом проеме,
как колокол, повис.

ПУТЬ

*«...Ступай!» И я бежать пустился в тот же миг.
А. Пушкин. «Странник»*

Он сказал: «Иди! не бойся».
Он пропел мне на прощанье:
«С глаз моих не медля скройся,
Но исполни завещанье!»
Я пошел, не испугался,
Упоенья был я полон,
Потому что не решался
Даже втайне думать: - Кто он?
Кто послал меня в далекий
Путь с заданием суровым?
Шел я долго одинокий,
Не с кем было даже словом
Перемолвиться. Без сил
Опустился я в траву
И промолвил наяву:
- Кто идти меня просил?!
«Не просил, а приказал!» -
Чей-то голос подсказал.

- То, что вы сказали мне,
Очень верно, но при этом
Я доволен не вполне
Вашим правильным ответом, -
Так сказал я, осторожно
Поглядев по сторонам.
Что такое? Невозможно!
Никого - ни тут, ни там.
Что тут делать? Дело плохо.
Видно, крепко я устал.
Погодя, с тяжелым вздохом:
- Кто меня сюда послал? -
Я спросил. «Довольно мило! -
Тот же голос продолжал. -
Вот уж пять часов пробило.
Мне тебя, конечно, жаль,
Если ты идешь, не зная,
От кого и для чего».
Это чья-то шутка злая!
А в округе - никого!..
Тут мне стало интересно:
- Объясните, ради Бога,
Если что-то вам известно,
Кто послал меня в дорогу?

ГОЛОС: Он - вестник невесомых ощущений,
Поклонник околпаченных чинов,
Создатель неосознанных решений,
Свершающий свержение основ,
Специалист в обоснованьи снов,
как признаков знакомых совмещений
В пространственно-вневременном кругу.

Я: Я слушать это больше не могу.
Чем дальше, тем все более неясно,
Кто он такой, чтоб посылать меня
В какой-то непонятный путь?

ГОЛОС: Напрасно
Ты возмущаешься, его браня.
Непроницаема его броня.
Он смесь согласных букв и звуков гласных,
А также каждодневный ритуал,
Свершаемый тобой.

Я: Но кто сказал,
Что должен я идти дорогой этой,
Не зная для чего?

ГОЛОС: А ты хотел,
Дорогу не пройдя, найти ответы
На непоставленный вопрос?

Я: Как смел

Безвестно кто от неотложных дел
Отвлечь меня и приказать по свету
Шататься и без цели, и без сил?!

ГОЛОС: А ты хотел, чтоб на руках носил
Тебя душеприказчик мироздания?
Ведь это он тебя сюда послал!
Что ж ты шумишь?!

Я: Простите, по незнанию...
Я, кажется, слегка несдержан стал,
К тому же я изрядно подустал
И с ног валяюсь.

ГОЛОС: Понятно. Наказанья
Ты можешь избежать, продолжив путь.

Я: Но я устал безумно.

ГОЛОС: Как-нибудь
Сумеешь, я надеюсь, приподняться.

Я: Как раненный на барельефе лев,
Так болен я.

ГОЛОС: Довольно притворяться!
Пора тебе, себя преодолев,
Идти. Иначе страшен будет гнев,
Когда его заставишь ты вмешаться,
Сторонника восторженных торжеств,
Предвидящего каждый шаг и жест!

Я пошел своим путем,
Не сходя с дороги.
Шел я ночью,
Шел я днем
И пришел в итоге
К месту, что мне указал
Неизвестный голос.
С головы моей не пал
Ни единый волос.

Так сбылось предназначение,
Что в конце нас ждет победа.
Я исполнил завещание,
О котором и не ведал.
Не завидуйте, корыстные!
Не достиг еще я рая.
Та дорога не единственна,
Впереди лежит вторая,
А за ней, глядишь, еще одна.
Не спешите же пуститься в путь,
Вам в дороге станет холодно,
Негде будет ночью отдохнуть.
Вы посмейтесь надо мной во сне,
Пошутите, мол, иди-иди!
Что в дороге той открылось мне,

Вам того и не понять, поди.
А открылся предо мной простор,
По которому во все концы -
До морей и до высоких гор -
Песнь весны разносят бубенцы.
Там открылись все начала мне,
Знать, трудился не напрасно я.

А с востока величавое
Поднималось солнце красное.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СИМФОНИЯ

Пассажир желающий выехать
имеет право обратиться
железная дорога
предлагает льготы
предоставляется право
приобретения билетов
вы можете оформить
проездные документы
обратите внимание
на компостерные знаки
П О М Н И Т Е
что сутки начинаются
С Н О Л Я Ч А С О В !
деньги не возвращаются

ВОКЗАЛЬНАЯ СЮИТА

Москва - киевская

Москва - белорусская

Москва - казанская

Москва - армянская

Москва - товарная

Москва - продажная

Москва - мордовская

Москва - чувашская

Москва - грузинская

Москва, скажем, палестинская

Москва - сортировочная

КРУЧЕНЫХ. ПОБЕДА НА Д СОЛНЦЕМ

решительный шаг в равновесье
всплетенье могучих идей
шагните из оков все вместе
на площадь прощанья скорей
возьмите с собой не котомки
а строки из слов и букв
и вас будут помнить потомки
когда в коридоре найдут
следы ваших главных свершений
и станут вас говорить
что вы в глубине совершенны
хотя не казисты на вид
возьмут они тонки и нибы
наденут икинут ся в след
и станут как ието гимны
наверно о новые петь
и станет понятно их рвенье
стремленье достигнуть границ
новысоко храните терпенье
в чертах неразбуженных лиц

и вот заструятся потоки
в республику новых времен
новамне указаны сроки
исписки забытых имен
звучать будут речи и будет
журчать ключевая вода
новы как вершители судеб
им будет есниться всегда

ЧАСТЬ II. ПОРТРЕТ.

Заря грозит изрезанному ветру

Терпение не знает ремесла

...зенит...

...грезит...

...тризна...

...трон...

Тропинка у нетронутой реки

Проникла в крону трепетного мозга

...гроза...

...рост...

...постоянство...

Столкнулись сотни нот на постаменте

Смотри *сквозь* смысл своих стеклянных слов

...власть...

...поставить...

...стелется...

...плеть...

Нелестные *слова* слетают со страницы

Лицо смеется мысль слепит глаза

...залив...

...возле...

...превзойти...

...тревогу...

Вокруг придела догорает лед
Дорога в гору к *горизонту* веры

...привел...

...пить...

...тип...

...приток...

Портал притронулся к луне
Руками сломанного *мира*

...рельсы...

...рисунок...

...конус...

Успокоение - *колодец*

Пока на дне не видно цель

...лицо...

...улыбка...

Блеснул ланцет - на глянцевом листе
Скользит сквозь воздух синее соцветье

...ветер...

...портрет...

Терпение - тропинка сквозь слова
Скользит колодец мира к горизонту

Трехстишия

* * *

крыши и колодцы
больше в мире
ничего нет

ДИАЛОГ

двое из нас
никогда
не вернутся

* * *

Видел ли ты как смеется человек
поторопись
пока он не умер

* * *

Кроме меня
в этом мире
живут другие люди

* * *

Не люблю богатых
не люблю бедных
люблю ли я вообще

* * *

И. Ахметьеву

Сегодня многие увлекаются Востоком
я тоже им увлекаюсь
раньше еще больше увлекался

БА-СЯНЬ

1

Рать поднимай не страшась неба
скрывшись в горах изменяй металлы
бедным раздай свое золото *Чжунли Цюань*

2

Разверни из листа бумаги своего мула
окропив водой снаряжай его в путь
умирай многократно и вновь воскресай *Чжан Голао*

3

Запомянай сто сот иероглифов в день
постигнув ступени стань у подножья
меч твой одолеет врага *Люй Дунбинь*

4

Отправляйся оставив тело в саду
стань меньше матери ученика
нищий хромой убежищем станет *Ли Тегуай*

5

Пища твоя на серебряном блюде
в ларце твоём будущего ручей
разбей вельможи танского ум *Хань Сяньцзы*

6

Оставляй сестру в ее славе
отшельник пройдет сквозь лес
вещи раскроют ворота в свой храм *Цао Гоцзю*

7

Песни звенят на площадях
милостыню собери в ладонь
нет твоей доли в горстке монет *Лань Цайхэ*

8

Мужу не испить от твоей красоты
насытит тебя ключ у скалы
горы бессмертны *Хэ Сяньгу*

ПЕСНЯ

*Девки водят хоровод.
Парни проходят мимо.*

ПАРЕНЬ:

Ручкой помаши зазноба,
Когда свидимся еще,
Я люблю тебя до гроба,
Но тебе откуда знать.

ОДНА ИЗ ДЕВОК:

Тебя крепко я любила,
Никому б не отдала,
Теперь все вокруг не мило,
Ты уходишь и прощай.

ДРУГОЙ ПАРЕНЬ:

Зацвели в поле цветочки,
Сорву в память о тебе,
Помаши вослед платочком,
Далеко отсюда мне.

ДРУГАЯ ДЕВКА:

Как до вечера гуляла
С своим миленьким вдвоем,

Я платочек потеряла,
Позабыла где лежит.

ДЕВКИ:

Я платочек потеряла,
Найти его как не так.

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ:

А коли сыщу платочек,
Чем заплатишь за него?
Дашь коснуться алых щечек?
Невеликая цена.

ПАРНИ:

Ты платочек потеряла,
Я тебе его найду,
Дашь коснуться алых щечек,
И мы квиты навсегда.

ТРЕТЬЯ ДЕВКА:

За ценой бы не стояла
Пред милым я никогда,
Только б мать не увидала,
Когда думаю - боюсь.

ДЕВКИ:

Только б мать не увидала,
У нее характер крут.

ВТОРОЙ ПАРЕНЬ:

Ты не бойся, иди ко мне,
Не узнает твоя мать,
За шелковый дай платочек
Мне тебя поцеловать.

ВТОРАЯ ДЕВКА:

Ах, боюсь я, нету мочи,
Слух до матери дойдет,
Ты сыщи сперва платочек,
Тогда будем говорить.

ДЕВКИ:

Ты найди сперва платочек,
А то станется с тебя.

ТРЕТИЙ ПАРЕНЬ:

А платочек-от со мною,
Я давно его нашел,
Пойдем милая со мною,
Зорьку за реку встречать.

ПАРНИ:

Пойдем, милая, со мною,
Эка ночка хороша.

ПЕРВАЯ ДЕВКА:

С тобой не пойду я в ночку,
Больно матери боюсь,
Отдай, миленький, платочек,
Какой тебе интерес.

ДЕВКИ:

Отдай, миленький, платочек,
Что те дела до меня.

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ:

Ах, коли идти не хочешь,
Так я силою возьму,
Ни к чему пригожей девке
Из-за мамки пропадать.

ПАРНИ:

Ни к чему ядерной девке
Без милого пропадать.

Кидаются на девок.

Те с визгом бросаются врассыпную.

СТОП

*Приходит умиротворение
в приход. Я умер. О, творение!*

В уютном нечетырехмерном мире
познания становятся все шире;
и на вопрос о смысле бытия
ответит кто угодно, как и я...
Но - стоп! Подумаем об этом слове,
о слове - *стоп*; попробуем толковей
постичь семиотический толчок,
который дал поставленный значок.
Для буквы *с* найдется смысл в простом
сплетеньи слов: сквозит сквозняк в сквозном...
Две буквы *ст* - ступень преображенья:
стоит стакан - застолье - день рожденья.
Рождение берет начало с двух
(а не с одной!) стоящих рядом букв.
А что есть *сто*? - Количественный ход,
включаемый природой в обиход:
из смысла слова качество уходит,
считая точки светового года,
и скрывшийся за печкою сверчок

таит диалектический скачок.
Так, создавая видимость движенья,
в сознаныи происходит накопленье;
но дело в том, что сто не есть предел.
Вот, наконец, восток порозовел;
восходит день, и добавленьем звука
кончается изящная наука.
Тот звук - глухой как мировой потоп -
венчает чаянья людские словом *стон!*
Истоптанные башмаки забвенья
единственное в мире утешенье
для жителей и городов, и весей -
и где уж тут до траурных процессий!

* * *

Филонов Павел был известный филантроп.
Однажды Сталину решил он подарить картину.
Но Сталин в дар ее не принял наотрез.
Так и вошел в историю тираном.
А мог бы слыть прекрасным семьянином
и любоваться вечерами на шедевр
аналитического искусства.
Увы! сия идиллия навсегда останется
в нашем воображении.

ОПОРА

Картина, видимая глазу,
не сразу
осознается нашим естеством;
но тени и различные цвета
в сознании граничат первородном,
и очертания, внезапные, как смерть,
бывают живописцу неуютны.
Все то, что зримо, - мера глубины
бесформенной предметной суматохи;
а опыт о сравнении вещей
еще ничей
нас не привел к решению
того,
что видим мы один предмет
или, вернее, беспредметность формы;
и, находясь на правильной платформе,
мы все равно из некоторой точки
взираем на изображенные цветочки,
на лес
и на мадонну в облаках
с младенцем на руках.

В чем интерес
к такому созерцанию?
В знакомстве с непонятым?
Или, быть может, с очевидным для тебя?
Но пятна
перестают учиться у людей,
воспринимая видимость декора,
и в их игре заключена
неоспоримая вина
и с ней - последняя опора.

ЛУНА НАД КРЫШЕЙ

1

Над крышей человек считает луны,
в чем видит содержанье отраженья,
и через отраженье разрушенья
приходит к разрушенью содержанья
поступков, заключенных в скобки плена.
Из клина прорастает стайка трещин,
на них голодный пес глаза таращит;
расколотый чурбан прохожий тащит
и будущим согретым домом тешит
себя. А на дворе мороз и солнце.
«Чудесный день!» - кричу ему. «Спасибо,» -
он отвечает мне и полотенцем
размахивает в воздухе крикливом.

2

Проходят луны по двору, но снега
не растопить беззвучным придыханьем.
Продрогший человек слагает сагу,
которую заносит на бумагу,
хранящуюся в недрах сеновала,

и издали манит меня невольно.
Я подхожу. Собака, недовольно
оскалив зубы, смотрит на калитку,
которую я прохожу, не тронув,
и поднимаюсь медленно на крышу,
где молча человек сидит. Я слышу,
он шепчет: «Посмотрите, вон прохожий».
«Я вижу,» - что еще ему ответить,
когда на свете все одно и то же,
и слишком мало разного на свете.
Вот, разве, солнце. Но оно уходит
за крышу, на которой мы не слышим,
как обволакивает снег собаку,
и та скулит. Мы отдаем дань веку,
прищурив индевеющие веки,
протягивая пристальные руки
к фрагментам темпераментных ферментов,
показанных в журнале популярном
под рубрикою «Новости науки».

3

Куда как чуден создан свет! Подумай,
и ум вскружится от избытка мыслей,

но никогда от недостатка. Сумма всех наблюдений, словно в каше масло, которым, верно, мало что испортишь, но также ничему и не поможешь. А что до счета лун, то тут, похоже, с наскоку не особенно поспоришь.

3. Письма

* * *

Опять я заполночь сижу
И книги старые листаю;
На бабочек ночную стаю
Гляжу. И про себя твержу:
«Как неразменна тишина,
Когда один, когда не спится
И можно запросто пуститься
В запаятные времена
И обнаружить, что в иных
Веках все точно так же было:
И так же ты меня любила,
И те же небеса двоих
Соединяли - нас с тобой;
И точно так же ливни лились,
И те же бабочки кружились
Над пламенем свечи ночной;
И все, чем дышит и растет
Земля, - от века неразменно.
Кто времени назначит цену?
Кто смелость на себя возьмет

Определить последний час?
Нет, свет один сияет людям.
И мы еще живем и любим,
И вечность проступает в нас».

ТИШИНА*Л.К.*

Мелодия не может стать молвой;
Посредством звука не извлечь значенья.
Для каждой жизни и любви любой
Началом служит чье-то увлечение.

И возникает купол голубой
С начертанным по кругу изреченьем,
Которое мы числим за собой,
Заканчивая круг нравоученьем.

Но на распаде третьего витка
Вступает соло. Смелая рука
Проносится в стремительном вращеньи,

И замолкает первозданный звук;
И выбор падает на одного из двух, -
Что в тишине услышал всепрощенье.

* * *

Не тоска - а уходить пора.
Над рекою месяц звезды удит.
Завтра будет то же, что вчера;
Это значит - ничего не будет.

Дом остыл, как ветхий монастырь,
И огонь в печи гудит, не грея.
На столе - старинная Псалтирь,
Образок Апостола Андрея;

Письма Пушкина (десятый том);
Твой забытый адрес на конверте...
Белый лист с неначатым письмом
Так и пролежит до самой смерти.

Листопад - который день подряд
Все вокруг окутывает прахом.
Может, съездить в Сергиев Посад?
Помнишь, мне хотелось стать монахом?

Срок истек - как видно пожил впрок
Бывший странник в нашем мире странном.
Если вспомнишь - помолись разок
О твоём Андрее первоизванном.

* * *

На земле ничего - чернота, пустота;
Где-то рядом деревня, невидима глазу;
Но туман на погосте стекает с креста
И росой опускается наземь.

Значит, скоро должна наступить синева,
Как неожиданность загаданной встречи
В этом доме, где болью звучат не слова,
А подрагивающие плечи;

Где признаньем звучат - не улыбка, не взгляд,
Не едва уловимое пальцев движенье,
А простое незнание шага назад -
В наступающее искушенье.

Кто нас вправе винить, что, умея любить
И ответное слово вдыхать всею грудью,
Не достало нам сил нашу страсть утаить?
Бог поверит, дурак - не осудит.

Мы к утру добредем до волнистой реки,
И когда обозначится купол далекий,

Еще будет касанье дрожащей руки
Нас будить все стихающим током.

День мелькнет, и опять - ничего, ничего;
Ночь остынет, земля затаится.
Верить в чудо нетрудно, труднее его
Побороть и заставить свершиться.

* * *

Видно, мне не впрок пошел совет:
Постучись и отворятся двери.
Сколько лет стучусь - ответа нет,
Ты не веришь и не хочешь верить.

Для чего же ты у алтаря
Поклялась идти за мной до гроба?
То ли я тебе поверил зря,
То ли мы обманывались оба?

Ты теперь, перебирая зло,
Что тебе я причинил когда-то,
Раз за разом спрашиваешь зло:
Чем ты перед Богом виновата?

Кто решит - беда или вина,
Ты страдала или ты грешила?
То ли не любила ты меня...
То ли никого ты не любила...

* * *

Что женщина ни говори, а все же
мужчина от нее иного ждет.
Речам твоим, на колдовство похожим,
Я бы внимал часами напролет;
Но так же, словно лакомство смакуем,
Покуда нам оно не надоест, -
Твои слова прерву я поцелуем,
Чтоб, не ровён час, не попутал бес.
Молчи ж, молчи, а то не быть бы худу!
Пора тебе понять давным-давно:
То, как ты говоришь, - я не забуду;
А что ты говоришь, - мне все равно.

* * *

Коль не суждено достигнуть цели, -
Чтобы не засохнуть от любви,
Вот бы мне погибнуть на дуэли
За глаза красивые твои.

Муж твой - добрый малый из глубинки -
Коммерсант, зануда и эстет -
Где-то на Черемушкинском рынке
Приобрел недавно пистолет.

И теперь, как прихожу я в гости,
Завожу с тобою разговор,
Вижу зеленет он от злости,
Как хамелеон на фоне штор.

Время к ночи, он сидит, зевает,
Но упорно не ложится спать.
Он не зря меня подозревает!
Что ж, пускай, - мне нечего скрывать.

И хотя в предчувствия не верю,
Как-то раз - готов идти на спор! -
Позвоню я, он откроет двери
И - помедлив - выстрелит в упор.

Я отпряну, подкосятся ноги,
Улыбнусь и, подмигнув ему,
Я умру - красиво - на пороге,
На пороге к сердцу твоему.

* * *

Да, ты прелестней всех на свете,
Мой несравненный идеал.
Но я бы ни за что на свете
Тебя красивой не назвал.

И то, чего б тебе хотелось,
Не достигается спроста, -
Где слишком к месту слово прелесть -
Нет места слову красота.

* * *

А помнишь, ты приехала в мой дом,
И первый раз тебя я встретил в нем,
Назвав тебя по имени? Вдвоем
Мы вышли за водой, когда уснули,
Устав от бесконечной болтовни,
Друзья; и я был счастлив, что они
О нас забыли. Мы ушли одни,
И были ночи, и тянулись дни
В медлительном безветренном июле.

Июль, твой тезка, как он был хорош,
Он на тебя был чуточку похож:
В нем уживались искренность и ложь, -
Сгорал от страсти и искал прохлады,
Скрывал свой ум перед умом друзей,
Но был умней своих учителей,
Неторопливый, он мечтал скорей
Спасти весь мир улыбкою твоей.
И мы с тобой июлю были рады.

Его другие месяцы давно
Сменили без возврата; мне одно
Лишь имя сквозь замерзшее окно
Заглядывает в память. Оттого ли,
Что это грех - любить на свете всех,
А не любить - такой же точно грех,
Без чьих-то слез неполон чей-то смех,
Без яви - сон, а вера в жизнь - без боли,
И без июля - этот зимний снег.

* * *

Волшебные глаза прелестной египтянки,
Чуть бледного лица открытые черты.
Откуда здесь она, на тусклом полустанке,
Затерянном вдали от городской черты?

Что открывает взгляд испуганный и дерзкий,
Из самой глубины упавший на меня,
По-детски прихотлив и одинок по-детски,
Тысячелетнего исполненный огня?

Она не утаит того, что вы таите,
Над естеством живым ее бессильна власть;
И Клеопатра в ней сильнее, чем Нефертити,
И гордости сильнее языческая страсть.

Вся истина ее в единственном мгновеньи,
Которого никто не властен превозмочь.
И я отдать готов без всякого зазренья
Три жизни за одну египетскую ночь.

К. КРИКУНОВУ*Проклятый город Кишинев...**А. Пушкин*

Проклятый город Армавир,
Раскисший в зиму, пыльный летом;
Здесь нужно быть анахоретом,
Которому постыл весь мир.
Но ты, отшельник Крикунов,
Скажи мне правду, Бога ради,
Совсем забыл о Ленинграде?
Постиг поэзию без слов?
Проникнул в тайны бытия,
К истокам истинного света?
Или районная газета,
В которой и моя статья
Однажды скрасила страницы,
Тебя удерживает там?
Иль армавирские девицы
(Которым должное воздам!)
Тебя не отпускают к нам?
Но тут тебе я не судья,
У них в плену бывал и я;
Мне самому судилось свыше

С одной из них связать свой путь,
Но я из затруднения вышел,
Сказавши ей: «Не обессудь,
Но жить на солнечной Кубани
Мне - что в парилке русской бани.
Пусть круглый год трещит мороз,
Пусть снег до окон дом занес,
Но север мне роднее юга».
Мне долго спорить не пришлось,
И я вступил в права супруга,
Подумав про себя: авось
Столица мира не откажет,
Чтоб я под боком у нее
Обосновал свое жилье.
И вот я под Москвой
И даже гораздо ближе, чем мечтал...

Но, может, я не угадал,
И не любовные преграды
Тебе уехать не дают,
А жизни медленный уют,
Которому порой мы рады.
В столице стыдно быть вторым,
Уж лучше быть в деревне первым;

И мы, щадя больные нервы,
Надолго покидаем Рим.
Так ты, не посмотрев назад,
Шутя покинул Ленинград.
Провинциальное затишье,
Как мы тебя порою ищем,
Как нравится нам твой покой!
Но, Крикунов, ты не такой,
Чтоб там не оказаться лишним.
Не зря фамилия дана:
Ты можешь вычерпать до дна
Все философские глубины,
Но, вечности взломав печать,
Как раз захочется кричать,
Да крик твой, если хочешь знать, -
Глас вопиющего в пустыне.
Позволь же дать тебе совет:
Беги скорей из Армавира!
Не для монастыря - для мира
Когда-то ты явился в свет;
Ведь Крикунова нет второго,
И потому - ты нужен тут,
А армавирцы, право слово,
Уж какнибудь переживут.

С. ТУРКУЛЕВИЧУ

Побывав в твоём жилище,
Заглянув в твоё жильё,
Я поведаю, дружище,
Впечатление мое:
Я увидел холостяцкий
Быт и жизненный уклад,
Быт походный, быт солдатский
И, признаюсь, был не рад.
На столе бумаги грудой,
Не застелена кровать,
В мойке грязная посуда,
Все тут - нечего скрывать!
Чья-то женская заколка
Грустную наводит мысль,
Что живешь-то ты без толку.
Кто б сказал тебе: женись!
На меня взглянув с печалью,
Отклонишь ты мой совет;
Молчаливо выпив чаю,
Глянешь сквозь окно на свет...

Словно бледная заплатка
Свет ночного фонаря.
И с женою жить не сладко,
Без нее - и вовсе зря.
Что писать? куда податься?
Где найти свои слова?
Ни напиться, ни подраться, -
Ни солома, ни трава.
За окном орут истошно
Про *мороз* и про *камыш*.
Ох, как пусто, ох, как тошно!
Жизнь, куда же ты летишь?

В. ПУЧКОВУ

Задуманное сложно воплотить.
Когда в уме уже сложилась нить,
Связующая не слова, а мысли, -
То нужды нет в незначащих словах;
Но мысли бы без воздуха повисли,
Как ведра без воды на коромысле,
И как бы срифмовал Державин: Ах!
А посему, посланье начиная,
Пишу я эти строки невпопад,
Не мыслями - словами начиняя.
И так сижусь без отдыха, без сна я
Затем, что знаю - друг мне будет рад.

Здесь ночь, и у тебя, наверно, тоже.
Так что же? Я, сумняшеся ничтоже,
Хочу свою к тебе направить речь.
Будь адресат - отыщется и тема,
Ведь тема в наше время не проблема;
И все равно себя не уберечь
От обсуждений, споров и полемик, -

Будь ты хоть сотню раз подвержен лени
И презирай пустую болтовню,
Еще мы не изобрели броню
От пустоты гостей к тебе входящих
(За наименьшем лучших - настоящих!),
А впрочем, я их вовсе не виню.
Ведь говорят они всегда про дело,
Ссылаются на Гете неумело,
Что, дескать, Дело было впереди
И ставить Слово выше - непрактично.
(А Слово, что ни говори, первично,
Хоть ты им это объясни поди!)

Но, кажется, я слишком удалился
От замысла. Хотя, что за беда?
Так - слово за слово - и мир творился,
Где чудилась, куда ни глянь, вода.
А у меня тут вечная проблема
С водой (да кстати, вот тебе и тема),
Колодец - метров триста от жилья,
И, как борец за правду, устремленно
(При помощи молочного бидона)
С колодца воду доставляю я.

В деревне процветает власть народа,
Да вот не провели водопровода.
Не думай, что ропщу, - ни Боже мой!
Есть дом, земля, живу себе - и ладно,
Но каждый день, особенно зимой...
Не только мне покажется накладно.
Ты только не пойми меня превратно,
Завидовать не в правилах моих;
Я все свои слова беру обратно,
Когда ты так неверно понял их.
Есть выгод тьма (о чем не всякий знает)
У тех, кто в частном доме проживает.
А если усомнится малонер,
Я приведу всего один пример:
У родственников в теплом Армавире
(Они живут в двухкомнатной квартире,
С удобствами, на верхнем этаже)
Намылишься, почувствовав свободу,
А тут тебе как раз отключат воду,
Хоть в ЖЭК беги при полном неглиже.
И, кстати, поговаривают же,
Что уровень развития народа
Определяют уровнем расхода

Воды. И я, конечно, был бы рад
В развитие внести посильный вклад,
Ведь нынешнего, право, слишком мало,
Но в этом я едва ли виноват.
Вода! Ее всегда на всех хватало.
Вдруг на тебе! В наш век ее не стало.
И вот забил тревогу человек,
Мол, айсберги пора ловить, ей-Богу,
И Антарктиду плавить понемногу,
И спешно делать перебрроску рек...
Кому запала эта мысль шальная,
Все на круги своя вернуть желая,
Мечтает о прошедших временах;
И хоть общественность держалась стойко,
Но, кажется, когда б не перестройка,
Сидеть бы ей на соевых бобах.
Давно проблемы не было острее!
Но у народных масс возник вопрос:
Кто виноват? Одни твердят: евреи!
Другие: Брежнев! Третьи: Минводхоз!
Что разводить ненужные дебаты,
Когда мы все изрядно виноваты,
Что как чумные верили в прогресс,

А государственный доход короткий
Пытались наверстать продажей водки
И с пьяных глаз прохлопали АЭС.
Когда идет гребцов соревнованье,
Те перед стартом слышат пожеланье,
Чтоб легкою была вода. Теперь
Все обернулось шуткой невеселой,
Что де вода бывает и тяжелой
И путь не все проходят без потерь.
Но я не стану воду лить напрасно
(На чью к тому же мельницу, неясно!),
Я лишь хотел сказать в письме своем
(Как это нынче говорится) гласно:
Мы заживем по-новому прекрасно,
Когда по-новому мы заживем.

4. Путь

ОСЕНЬ В ГОРНОМ АЛТАЕ

Сперва трава - зеленая, как биль,
рассказанная наспех, как попало;
зеленая, как океанский штиль,
как бледная нимфетка среди бала;
зеленая, как утренний базар,
где вместо сладостей торгуют луком,
и сморщенный старик болтает с внуком,
как с юнгой опустившийся корсар.

Почем тут зелень? Подходи, бери -
растет трава, хозяина не зная,
над речкою - снаружи и внутри
холма, - под дождь дрожащий прорастая.
Сентябрь, бряцающая цитровой струной,
стекает к берегам тревожной речки,
и гда патетические речи
уже не спорят с шаткой тишиной.

Но я отвлекся. Значит, холм. На нем
зеленая трава. На ней рядами

растут березы и погожим днем
качают полновесными ветвями.
Но не в деревьях суть, хотя они,
по струнке стоя, очевидно, странны:
как будто кто-то наводил в их стане
порядок в незапамятные дни.

А главное - в листе: она желта,
как рот птенца, вопящего о пище,
как кровь крота, как ржавчина болта
и корабля затопленного днище.
Листва манит жеманной желтизной -
сплошной, неосыпающей с веток:
на листопад наложенное вето
связало воздух вязкостью сквозной.

И в этом непадении листы -
желанье избежать кровосмешенья:
покуда краски на холме чисты,
земля не поддается искушенью.
Я видел эти листья и траву
с контрастом их затейливым и броским -
в неосязаемых пейзажах Босха,

но вот теперь, впервые, наяву.
Тоской по искуплению влеком,
на склон взобравшись, я присел на камень,
чтобы, никем не видимый, тайком
коснуться мира этого руками:
еще два дня - и в дымке снеговой
(кто б мог предвидеть, что исход так близко!)
шуршащий слой членистоногих листьев
смешается с пожухшею травой.

СТВОЛ

В глазах березы - знание зимы.
Мы не случайно чувствуем, что ночью
Не может выпасть снег; а утром точно
В непроисшедшем убедимся мы.

Березовый скелет насквозь источен,
И ветви - к небесам вознесены -
Впечатаны, как трещины стены,
В стоячий воздух городских обочин.

Но чем-то мы обязаны коре,
Скрывающей в опустошенном теле
Неявное присутствие тепла.

А снег не выпадает на дворе,
И мы должны проникнуть в остов белый,
Собой заполнив трещины ствола.

ВРУБЕЛЬ В КИЕВЕ

А здесь он был маляр,
и полусвод на хорах
До боли он белил
нетвердою рукой,
Но тонкий слой грубел
и рассыпался в порошок,
Стонал и причитал
и пел за упокой.

Задумчивый маляр,
роняя кисть случайно,
Глядел в проем колонн
и вниз сходил с лесов,
И наполнялся храм
прозрачными лучами,
И поднимался гул
нездешних голосов.

Он снова повторял
движение простое,

И лег на потолок
 шероховатый грунт.
Тогда маляр узнал,
 что он чего-то стоит,
И понял, как давно
 решился он на бунт.

Потом, перекрестясь,
 нетронутые кисти
Он окунал в лазурь,
 и в золото, и в ярь.
Свод так играл над ним -
 мозаикой искристой,
Что кто-то пригрозил:
 «Кошунствуешь, маляр!»

Кто мог предугадать,
 что как-то утром хмурым
Он воедино всю
 мозаику сведет!
И лица оживут,
 и сдвинутся фигуры,

И голубь с вышины
свой свет на них прольет.

И вот, заговорят
на языках народов.

Когда настанет час -
исполнится завет, -

Тогда они сойдут
на землю с этих сводов

И миру понесут
дарованный им свет.

* * *

Ал. Шпеко

Зима сминается оберткой
от выкуренных сигарет;
лед нарастает толстой коркой
на веках, а на реках - нет;
и ночь - как рельсы, неподвижна,
и день - как шпалы, просмолен.
Я, веки размыкая, вижу
несостоятельность имен:
дано название младенцу,
как пожеланье - в добрый час!
он из дому выходит в сенцы,
а там - с крыльца, не горячась,
ступает в жесткий снег. Не свет ли
он видит там, где на лугу
на недовязанном снегу
одни изнаночные петли?

СТАРУХА

Так будет всякий раз,
когда от колыханья
снежинок оживет
забывчивая речь:
ее произнесет
старуха над лоханью,
которую смогла
от времени сберечь.

В ней будет каждый звук
соперничать с весною,
и в тишине окна
гореть огнем вербы,
и трепетать крылом
над просекой лесною,
вплетая в свой полет
фамильные гербы.

Куда уходит звук?
В бессложность небылицы

или в лесной цветок,
засыпанный листвою.
А может, он в углу
заброшенный пылится
и неизбежно ждет
приход старухи той.

Но надо ли спешить
и звуков безупречность
сплестать, как полотно,
в несбывшуюся речь?
Старуха морщит лоб
и думает про вечность,
когда ее лохань
вот-вот грозит протечь.

* * *

Как белый лист, с луной соединясь,
Резную тьму преобразует в связь
Меж городом и мной, меж сном и делом, -
Так связывает дерево в саду
С небрежным отражением в пруду
Срывающийся с ветки плод неспелый.

Гляжу на пруд, к которому ведут
Двойные звезды. Несколько минут,
И можно тронуть зябнущую воду,
Не сознавая, что пришел сюда
Лишь для того, чтоб раз и навсегда
Примерить на себя свою свободу.

Настроив на сентиментальный лад
Движенье кисти, я бросаю плод
Перед собой, следя за первым кругом;
Он отражается у ног моих,
А в отраженном центре мой двойник
Клянется навсегда остаться другом.

Он через год не вспомнит обо мне,
Но что поделать, раз другого нет
(Двойные звезды кажутся прочнее);
Я соглашаюсь - времени в обрез,
И я считаю, что на этот раз
Мне повезло, и возражать не смею.

Когда-нибудь на этот самый пруд
Меня другие мысли занесут,
Другое время, темнота другая.
И может быть, тогда я захочу,
Его похлопав просто по плечу,
Исчезнуть, ничего о нем не зная.

Но сколько будет дерево расти
(Изыскан - гнев, а доброта - проста),
Не выгадаешь, боль сменив на зависть.
И небо не приблизится ко мне,
Лишь белый лист закружится в окне,
С ущербною луной соединяясь.

ДОЖДЬ В СТАРОЙ РИГЕ

Падающий грохот стальных
ворот. Ты - в заточении. Обломки
красного кирпича - осыпаются со стены,
еще не успевшей просохнуть. Легкий
ветер - проносится вдоль отрешенных
бойниц. Поскрипывают колеса
повозки, которую лошади
давно увезли в забытую осень.
Но старинные фонари - в глубине переулка -
освещают притихшую
тьень. Капли времени - гулко
падающие с крыши -
так и не смыли это
воспоминание. Тихий сонет
курантов собора,
опрокинутого на съжившуюся
площадь, просочился в подземный строй
мощеных улочек. Похоже -
из звуков - остались только крупницы
осторожного эха - кошачьих

шагов по красной черепице.

Пелена - не сгущается,

не тает. Как будто -

по ступеням тумана - идешь.

Неизвестно - когда наступит утро,

и хочется - чтобы пошел дождь.

НОЧНАЯ ГРОЗА

Прикрыв глаза, уснули
Сплетения шагов,
Связав пустынную улиц
Бечевкой проводов.
День подводил итоги,
И талая вода
Не чаяла подмоги
От черных туч, когда
Из трещины на юге
Донесся грозный крик,
И в синем полукруге
Гудящий вихрь возник
И окаймил, как пояс,
Невнятный небосвод.
Из онемевшей полости
Рванул поток. И вот,
Разрушив плавность линий,
На льдинки колетя
Спираль холодных ливней
Садового кольца.

А ветер разрывает
Молчание реки
И по ветвям гадает,
Как по линиям руки.
И не поймешь, откуда
Возникнут утром вновь
Разбросанные кубики
Игрушечных домов,
И не найдешь без гида
Ни Александров сад,
Ни пирамиду МИДа,
Ни продувной Арбат.

БЕСЫ

- Не тревожься, ночная тревога пустая,
Спи спокойно, малыш, Бог с тобой, Бог с тобой.
- Нет, я слышу, как бесов полночная стая
Завывает над дымной печною трубой.

- Успокойся, малыш, это белая вьюга
Стелет дым из трубы по остывшей земле.
- Нет, я вижу, как бесы несутся по кругу
И хохочут, и пляшут, и лают во мгле.

- Это просто соседская лает собака,
Это просто снежинок ночная игра.
- Нет, я помню, как бесы из гулкового мрака
Прямо к нашему дому слетались вчера;

Прямо в наше окошко стучались и рвались,
И грозили, и выли, и били в стекло,
И все ярче глаза их во тьме разгорались,
И всю ночь бесконечное время текло.

ТЕАТР В ЗАПОЛЯРЬЕ

Спектакль натруженных полярников
Натужно шел к шестой картине;
Герою не хватало пряников,
Чтоб подкатиться к героине;

На сцене, усталной опилками,
Красиво страсти бушевали;
Герой глядел глазами пылками
На перламутровые дали, -

Скупым угрюмым передвижником
Был задник сцены размалеван,
На нем два спешившихся ложка, -
У лунки сидя, ждали клева;

И было в этом столько истины
И столько безотчетной грусти,
Что зал в переживаньи искреннем
Рыдал, как звончатые гусли.

Полярный день клонился к вечеру,
Над тундрю сгущалась темень;
Полярникам казалась вечною
Их производственная тема;

Слова катились, как булыжники,
Вставали жгучие проблемы...
А нарисованные лыжники
Удили, холодны и немы,

Потупив ниц глаза печальные
На фоне ледяных просторов;
И были не в пример реальнее
Всамделишных живых актеров.

РАЗГОВОР КОЛХОЗНИКОВ

Что нового? Да как тебе сказать,
Иные имена, иные страсти.
Желаем вот посильное участие
В прогрессе человечества принять;

Впервые за пятнадцать лет подъем
Хозяйства наблюдаем небывалый.
Наш председатель, слышь ты, добрый малый,
Гораздо веселее жить при нем.

При прежнем что - кругом один застои,
Все недовольны, но молчат до срока;
А с новым хоть и новая морока,
Но он - ученый парень, не простой.

Зачем, твердит, колхознику вино?
Колхознику нужна библиотека.
Оно, конечно, мужикам потеха,
Зато все бабы скопом за него.

Да что твердить, другие времена,
И время все короче и короче,
Не только дни короче, но и ночи.
Куда спешим? Спроси хоть у меня.

Вот жил как все, ходил в передовых;
А нынче, вишь, по-старому, выходит,
Нельзя прожить; начальство колобродит
И все твердит про качественный сдвиг.

Мне что - верчусь, как прежде, целый день,
Хоть снег, хоть дождик капает за ворот;
Вот жалко, сыновья сбежали в город,
Из них бы щас повытряхнули лень.

А в общем, поживаем ничего.
Смотрел, поди, в субботу телевизор,
Там наш твердил все про какой-то кризис,
И что преодолеем мы его.

Ну пусть преодолеем, не впервой;
Как говорят, на всякую старуху

Найдем, коль постараемся, проруху,
Тут главное раскинуть головой.

Так ты уж не серчай, мне недосуг,
Поеду потихоньку на телятник.
Одна беда, продрался старый ватник...
Но! трогай! Обернуться бы до двух.

* * *

Обозвав мои взгляды капризом,
Демократы корили меня,
Что не верю я в их плюрализм
И в отца Александра Меня;
И не верю, что левое дело
Наш народ до добра доведет,
Потому что какое нам дело
До любезных кому-то свобод;
Потому что известно в народе, -
Как красиво себя ни зови,
От любви демократов к свободе
Только шаг - до свободной любви.
Крепнет сила по сосенке с бора,
Чтоб однажды, составив стопы,
Встать и единомыслием собора
Низложить плюрализм толпы.
И тогда мы по полному праву
Демократам ответим: шалишь!
Ваша власть не погубит державу,
Как когда-то не смог Тохтамыш.

СИМФОНИЯ ШОСТАКОВИЧА

Колес распадается стук;
Без такта срывается звук;
Вращаются лица людей;
Границы смещаются дней;

Изломом ложится река
Вдоль зарослей синей травы...
От юноши до старика -
Один поворот головы.

ЯРОСЛАВЛЬ

Сойду в заснувшем городке,
Где никому я неизвестен,
Но здесь я, кажется, уместен
Хотя бы тем, что - налегке.

Спрошу в курилке огонька,
А заодно и сигарету.
А в кошельке - копейки нету,
Да впрочем, нет и кошелька.

Под утро тающий снежок
Укроет землю слоем тонким,
И я отправлюсь потихоньку
Сквозь посветлевший городок.

Отнюдь не праздный экскурсант,
Уткнувшийся в путеводитель,
Я здесь почти как местный житель -
Бреду куда не зная сам.

Вперед? Назад? Да все равно.
Дойду по улице до храма
И обращусь к старушке: «Мама,
Простите, я не ел давно».

Мне повезет в который раз,
И сердобольная старушка
Протянет хлеба мне краюшку
И молча гривенник подаст.

* * *

о. Василию Брылеву

Студеным утром встать до света,
Одеться, валенки обуть
И неспеша пуститься в путь
Куда-нибудь. Пусть будет это -
Воскресный день, когда народ
Под гул метели спит беспечно,
Лишь изредка случайный встречный
Угрюмо к станции пройдет.

Околица - земли граница,
А дальше - ветер без конца,
Ни кустика, ни деревца;
И ничего не стоит сбиться
С дороги в снеговой пыли,
И только ради интереса
Ступать вперед, полоску леса
Случайно различив вдали.
Тропинкой, скрытой под поземкой,
Спуститься к руслу ручейка

И вдруг сквозь мглу, издалека
Почуять благовест негромкий.

Туда, туда, где над леском
Чуть высится знакомый купол,
Где в церковь, убранную скупю,
Старухи тянутся гуськом;
Укрыться, наконец, под крышу
И, мелких несколько монет
Подав убогому, в ответ:
«Спаси вас Господи!» - услышать.

АВГУСТ

Ветер! кто тебя наваял к белому крыльцу у дома
Теплым августовским небом, неукрашенным луной?
День Ильин прошел без грома; в ожиданьи перелома
Тщетно ласточки сновали над опушкою лесной.

Где березовый излишек режет поле клином чахлым,
Где простуженная речка утекает в камыши,
Чистый ветер, там с тобою я бы встретился случайно,
А у брошенного дома никого ты не ищи.

Ты не медлишь, легкий ветер, только погоди немного,
Я к назначенному месту не замедлю в свой черед;
Ночь - удача, смерть - дорога, погоди же, ради Бога, -
Кто ушел - вернется к сроку, да не мне бы наперед.

Все в округе попритихло. Спят ли, запершись? А впрочем,
Раз никто идти не хочет, мне ли отступить назад.
И прошу я: добрый ветер, пожелай мне доброй ночи,
Я иду к тебе навстречу через августовский сад.

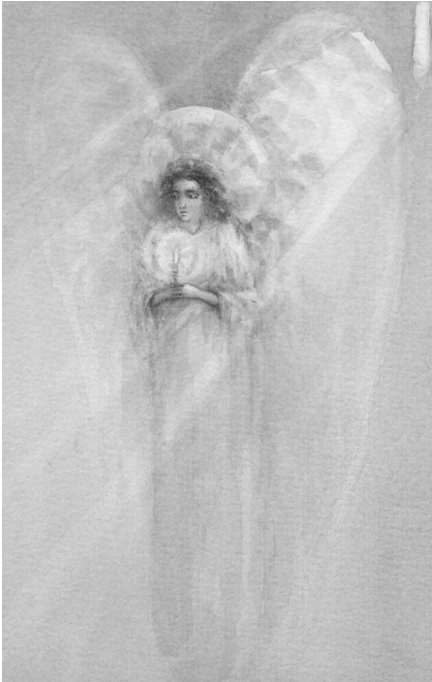
* * *

Дождь осторожный, густая земля,
Сбывшийся путь, говорю, это - я.
 Падайте, падайте, зерна.
Птицы, летящие в голубизну,
Рыбы, спускающиеся ко дну, -
 Радуйтесь, плачьте, всходите.

Шорох дверной не постигнуть умом;
Я - это стены над синим холмом.
 Падайте, падайте, зерна.
Здесь за дверями колыхается свет;
Всякий на землю ступающий - свят.
 Радуйтесь, плачьте, всходите.

Каждый, вдыхающий землю и дождь,
Жаждающий - да неизбежно взойдешь!
 Падайте, падайте, зерна.
Истинно, истинно вам говорю -
Рвущимся к свету я путь отворю:
 Радуйтесь, плачьте, всходите.

5. Возвращение

* * *

И снова возвращаюсь я в Москву,
Где с каждым днем отчетливей живу
Преддверьем записного ренессанса;
Друзья прорвались в «новую волну»,
Но «новая волна» идет ко дну,
А я еще не упускаю шанса
Обречь на сострадание народ,
Который на сближенье не идет
И не внимает голосу природы;
Ему нет дела до небесных благ, -
Кто много говорит - народу враг
(Так, впрочем, полагают все народы).

Но в русского я верю, потому
Что мало лет исполнилось ему, -
Он не старик, а чуть ли не младенец;
Он не еврей, не перс и не индус,
И даже не изысканный француз,
И, слава Богу, не безродный немец.
Давным-давно на Русь пришел Андрей

На верный путь напутствовать детей,
Но мы и по сей день все те же дети.
Как говорил философ Хомяков,
Наш возраст не достиг и двух веков,
И уж никак не двух тысячелетий.

Что за народ, который не идет,
Когда его в учение зовет
Истории неумолимый опыт!
Всего себя готов растратить он,
Но так и не задать приличный тон
И наконец сойти на робкий шепот;
И кто тому виной - честной народ
Вот эдак неуверенно живет,
Питая ум в своей столице древней,
Не замечая, что в Москву проник
Со всей Руси всяк сущий в ней язык,
Сведя Москву до поприща деревни.

Сужу Москву! И вот мой приговор:
Москва напоминает скотный двор,
Сродненный в силу паспортной печати, -
Тут всяк москвич - кто без году два дня

И кто всю жизнь прожил (но у меня
Еще хватает толку различать их).
Пускай растет культура москвича;
Но я хочу спросить - культура чья?
Откуда это детище явилось?
Нужны ли мудрецы со всей земли,
Чтобы в итоге мы произвели
Из русского овса испанский силос?

Москва! когда настанет твой черед,
И русский дух опять в тебя войдет?
В себя войдет - ни мало и ни много!
Ты как купчиха раздаешься вширь,
Но, к счастью, не застроен тот пустырь,
Где две сажени - от Кремля до Бога.
Я говорю: привет тебе, Москва!
Ты, может быть, по-своему права,
Собрав все флаги под свою опеку;
Пускай пируют, благо, есть простор, -
Сегодня гость татарин, а не вор,
Как кажется простому человеку.

Ах! русский человек, тебе не впрок

Преподнесенный некогда урок, -
Что б ни случилось, ты молчишь -
не ропщешь.

Куда там! Кто умеет промолчать -
На том лежит премудрости печать,
И жить на свете так намного проще.
Так жил когда-то мой покойный дед,
Но он не уберег себя от бед
И за молчанье заплатил дороже.
Он - из народа, я - наоборот -
Пытаюсь возвратиться в свой народ,
Никак не находя его. И все же!..

* * *

Кто сроду не творил себе кумира - прав,
Но как не поиграть хоть раз с огнем.
Я, Бродского неточно процитировав,
Бутылку водки проиграл на нем.

И хоть с одной бутылки не в убытке я
(Ну кто не оставался без одной!),
Друзья мои, досужие и прыткие,
До ночи потешались надо мной.

Но есть ли в том, ей-Богу не пойму, вина, -
Все точные цитаты мне претят;
И я люблю не Бродского, а Бунина,
Ни разу не сверявшего цитат.

ГРАЖДАНИН И ПОЭТ**ГРАЖДАНИН:**

Кто ты, на чьем челе печать ожесточенья,
Чьи думы внутрь себя обращены?
Кто ты, взирающий на мир сей с вышины,
Поборник ночи и уединенья,
В ком капли обаянья нет?

ПОЭТ:

Поэт.

ГРАЖДАНИН:

О, вижу смелости тебе не занимать,
Раз вслух об этом
Дерзнул сказать,
Что смеешь величать
Себя поэтом.
Но, погоди, сейчас себе не будешь мил,
Ты словом - сам себя изобличил
Так опрометчиво и так неосторожно!

ПОЭТ:

Возможно.

ГРАЖДАНИН:

Готов я биться о заклад, теперь
Тебе не спрятаться за лаконичность,
Коль ты поэт, то, стало быть, ты личность!
Вес слова твоего поди измерь,
А ты порой, усталости не зная,
Твердишь.

ПОЭТ:

Да, но о чем?

ГРАЖДАНИН:

Есть мысль сквозная,
Мне кажется, в суждениях твоих,
Хотя туман... Видать, на то и стих,
Чтоб мысль в причудливое облаченье
Одеть и смысл ее от ближнего укрыть.
Ты вял, замечу, но откуда прыть,
Когда берешься излагать свое ученье.
Что скажешь? Впрочем, я могу сказать и сам.

ПОЭТ:

Скажи. Мне важно всякое сужденье
О том, что создал я; пусть даже униженье
Сулит мне.

ГРАЖДАНИН:

Воспаряя к небесам,
Рискуешь быть низвергнутым в пучину.
Я в этом вижу главную причину
Того, что глух к твоим стихам народ
И справедливо.

ПОЭТ:

Вздор! Скорей, наоборот,
Народ, он чувствует мое к нему стремленье,
Желанье руку протянуть ему.
Тебя ж, поверь, никак я не пойму.

ГРАЖДАНИН:

Ах, поубавь свое благое рвенье
Да оглядись вокруг.
Тогда увидишь, что не вдруг
В народ приходит сказанное слово.

А потому, я повторяю снова,
Пока не поздно, приложи старанье,
От вычурного вздора отрекись,
С котурнов, так сказать, спустись,
И обретешь любовь и пониманье.
Не ново? Пусть, я не оригинал.

ПОЭТ:

Да я об этом не упоминал.

ГРАЖДАНИН:

Что не сказал ты, подсказал твой взгляд.

ПОЭТ:

Позволь мне взять его назад,
И впредь
Прошу тебя в глаза мне не смотреть -
Они сокрытых дум моих зеркало,
А те, ты сам признал, обращены
Вовнутрь, и в этом я своей вины
Не угляжу нимало.

ГРАЖДАНИН:

И это весь твой сказ?

ПОЭТ:

Нет, это только раз.

ГРАЖДАНИН:

Что ж два?

ПОЭТ:

Два в том, что слишком уж нечасто
Народ, которому душой
Я предан, проявлял во мне участие,
При этом не гнушаясь брать...

ГРАЖДАНИН:

Постой!

Ты хочешь намекнуть,
Что лишь плохое перепало
Тебе за всю историю?

ПОЭТ:

Ничуть.

Однако согласись, что всякое бывало.
Когда поэта нет, то смута настает:
Всяк ропщет, всяк бунтует, всяк поэта ждет!
Казалось бы, за чем же дело стало,

Взгляни, не он ли впереди идет?
Да где уж нам! Взгляни, - а после, хвать...

ГРАЖДАНИН:

Да, эти мысли мне не чужды.
Но до былого нету нужды,
Затем ведь и пришел я, чтоб тебя призвать
Встать во главе и нас вести вперед:
Ты наш поэт, мы - твой народ,
Я - Минин, ты - Пожарский.

ПОЭТ:

Пожарский, да не тот.
А тот, коль знаешь, собирался царский
Венец заполучить, да мало преуспел
В таком неблагодарном деле.
Так мне ли,
Кто слишком робок (хоть решил ты, что я смел),
Кто ранней осенью от чувства тает,
Кто славе громких дел
Покой и тишину предпочитает,
Уж не взыщи, кого-то за собой вести.
А впрочем, что же,
По совести,

Призыв твой отклонять негоже;
Но я и так всю жизнь свою - в пути,
И если жаждешь ты за кемнибудь идти,
Иди:

Когда за мной идти захочешь,
Так поневоле окажусь я впереди,
Зато, отступишься - вождя не опорочишь.
Что ж до того, чтоб за собой тянуть
Кого-нибудь,
На то, не обессудь,
Откуда нынче явится желанье?
Но вот, уже пора. Ты слышишь этот звон?
В нем истина моя и оправданье.

ГРАЖДАНИН:

Я нахожу в словах твоих резон.
Ведь правда, всякий раз, когда меня ведешь,
Я от тебя избавиться не чаю,
А все, однако, за тебя я отвечаю.
А будь ты сам, я - сам. Споткнешься, упадешь, -
Что за беда?

ПОЭТ:

О, да.

ПЛАЧ АЛЬФРЕДА ШНИТКЕ

...Но я скажу тебе: эпоха
того не стоит. Вот те крест!
Поверь, ей все равно, что - плохо,
что - хорошо. Мой интерес
утрачен к женщине коварной;
скорей поверю палачу.
А на таланте знак товарный
я больше видеть не хочу.
Ведь, постигая путь к основам,
догадываешься о том,
что музыка творится словом.
А ноты?.. Это все потом.
И точно, смысл нотных знаков
нерасшифрован до сих пор;
так от половины - полных знаков
не отделить! Вот приговор
эпохе позднего заката.
Я чтим сегодня? Что с того!
Любила Шенберга когда-то,
меня разлюбит, как его.

МЕЛ

Сухая суконка лежала на стуле.
Я видел ее, но коснуться не смел.
Вдруг с неба полночные ветры подули,
и стал осыпаться измолотый мел.
В тумане мерцали прохладные мысли
(для знания мало того, что - вокруг).
Крупинки мельчайшего мела повисли
и разом сложились в магический круг.
И я осознал, что я только прохожий;
шагнув за предел светового кольца,
я поднял суконку со стула в прихожей
и стер неотвязную дымку с лица.
На стенках царящая неразбериха
скрывала кольцо наслоением теней;
и стало вокруг подозрительно тихо,
как будто в преддверие траурных дней.
Но я не смутился в ничтожном пространстве
прихожей, заполненной мною одним,
и я не покинул свой дом ради странствий.
Мел сыпался сверху. Я скрылся под ним.

СТАРЫЙ УЧИТЕЛЬ

Памяти

Наума Ефимовича Школьника

Свиданье на зимнем вокзале.
Секунда - как выстрел ружья.
Григорий уехал в Израиль,
Из наших остался лишь я.
Когда он с площадки вагона
Брезгливо поглядывал вниз,
Я думал: что стоит хваленый
Еврейский космополитизм?
Так из вавилонского плена
Рвались мы к заветным местам.
Но, может, наш Бог вожделенный
Давно уже здесь, а не там?
К чему ж, оставляя Россию,
Тянуть и меня за собой?
Нет, русские мне не чужие,
И я им почти что как свой.
Сегодня опять по потемкам

Сбежится ко мне детвора
И в тесной моей комнатенке
Опять просидим до утра.
Как много обсудим мы за ночь,
Порою до хрипа крича;
Не зря ведь прозвали Шалманых
Меня - Соломоновича.
Когда бы они только знали,
Что значат они для меня...
Григорий уехал в Израиль.
Я больше ему не родня.
Сквозь стужу безудержно мчится
Мучительный, долгий состав.
И в сумраке скрыта граница,
И Бог нас рассудит - кто прав.

ДУЭЛЬ

От чистого сердца - до чистого снега
Протянут багряный рассвет; без огня
Клонится свеча; в предвкушении бега
Конь пробует землю; на хрупких санях
Ямщик дожидается, тускло уставясь
На вытаявший из-за сосен кружок,
В котором колышется, вширь разрастаясь,
Продрогшее небо. Как будто прыжок
Готово уже совершить из укрытья
На свадебный поезд; и кто-то седой
По склону взбегает с недюжинной прытью
И тут же, склонившись, трясет головой,
И сыплется иней. И все это длится
От силы какой-то десяток минут.
И снег под ногами скрипит и искрится,
И черное тело вдоль речки несут.

ПЕСНЯ О ВОЗВРАЩЕНИИ*К. Москальцу*

По земле рассвет расстилается,
Сын домой идет, возвращается.
На крыльце отец, сединой покрыт,
Молча смотрит вдаль, дожидается.

Говорю ему: - Здравствуй, батюшка! -
И склоняюсь пред лицом его.
Говорит он мне: - Ты ли, сын, пришел?
Не узнать тебя за годами-то.

Говорю ему: - Где же матушка?
Ей ли не признать сына милого.
Отвечает мне: - Все ждала она,
Со слезами вся порастаяла.

- Где ж сестра моя? Уж она-поди
Все сомненья бы поразвеяла.
- Сестра замужем у чужих людей,
И ее тебе уж не повидать.

Говорю тогда: - Что же ты, отец,
Не ведешь меня в дом родимый мой?
Опустил глаза, на меня взглянул,
Говорит отец: - Полно спрашивать,

Полно сетовать; уж в дому твоём
Люди добрые поселилися,
А тебе они все неведомы.
Уходи теперь, что зазря стоять.

Как и прежде я буду сына ждать,
Твою матушку поминать добром,
По сестре твоей буду плакать я...
Не вернулся ты. Бог храни тебя!

По земле рассвет расстилается.
Сын домой идет, возвращается.

СУД

Скажи мне, человек,
кому ты нынче служишь?

Солгать в глаза - не труд,
не обмани себя.

Что, если до конца
дойдешь и обнаружишь,

Что прожил - как не жил,
в пустой сосуд трубя?

А там, в конце пути,
попытка - не прощенье,

Назад возврата нет, -
вдруг спросится за все?

Готов ли ты ответ
держать в свое спасенье,

Найдешь ли, чем унять
волнение весов?

Прощанье - не исход,
а смерть - не оправданье.

Вернуться бы домой,
да двери на замке.

Неведом час, когда
назначено свиданье,
И зябнут семена,
зажатые в руке.

Ты руку разожмешь,
и следом за тобою
Проляжет ровный след
в глубокой борозде.
Но что взойдет от них -
всегда ли много стоит?
Другой сожнет посев,
а отвечать - тебе!

Есть сеятели тьмы -
и сеятели света.
Кто не закрыл глаза,
тем ночь - не темнота;
Ведь где-то вечер был,
и утро будет где-то,
И будут письма
прочитаны с листа.

* * *

Средина августа, канун Успенья;
Полночный час, как будто вечный сон,
Но слуха достигает откровенье:
Не спи и будешь в эту ночь спасен.

Серебряная мгла покрыта чернью,
Но оттого она яснее дня,
Что Божий день рождается с вечерней,
А плоть Его и кровь полны огня;

И, чтобы этому огню не сжечь нас,
Творя молитву, не вставай с колен.
Для человека день - для Бога вечность;
Для человека ночь - для Бога день.

РОЖДЕНИЕ

По-прежнему все тихо за окном.
Теплеет. Тает иней на стекле.
Ночь над Россией. Отцвела полынь.
Звезда упала, осень отошла.
Я жив. О, как мучительно я жив!
Усталый внук, вернувшийся домой, -
Окончен день, закрой глаза, усни;
Но ум не спит и борется со сном.
Еще свежа калиновая гроздь,
И красные, замерзшие плоды
Стекают на бумагу словом *кровь*;
И голос крови не дает забыть,
Что ты родился на своей земле,
Как дед и прадед твой из рода в род;
Но были им отпущены века,
А внуку - только время, чтоб дожить.
Он видел все, что можно повидать:
Рассвет востока, запада закат,
Над миром торжествующую ночь,
И свет, который не объяла тьма.

И так случится в пограничный час -
Сияньем славы озарится мир,
И повторится вновь - да будет свет!
И слово *жизнь* вдохнется в персть земли.

ВСЕНОЩНАЯ

Земля погружена в тяжелый сон,
Тревожна ночь и непроглядна темень.
И снова тесный храм заполнен теми,
Кто верует, что свет - непобежден.

Взор устремив - кто долу, кто горе,
Застыли все в недвижимом ожиданьи;
Весь мир притих и затаил дыханье,
Лишь теплится молитва в алтаре.

Но вот - как бы незримая черта,
Что отделяет ночь от воскресенья,
Разрушится в единое мгновенье,
И - растворятся царские врата,

Как будто бы невидимо простер
Господь с престола руку нам навстречу.
И возгорятся восковые свечи,
И грянет тысячеголосый хор;

И хлынет необъятный свет с небес,
И разом вся вселенная проснется,
Когда под купол трижды вознесется:
«Христос воскрес! Воистину воскрес!»

Андрей Галамага

родился в 1958 году
на Воркуте.

Детство провел в Киеве.

После окончания школы
переехал в Москву.

Окончил отделение поэзии
Литературного института
им. Горького. Член Союза
писателей России.

Автор двух сборников стихотворений;
четырёх пьес, две из которых
были поставлены в начале 90-х на театре;
двух полнометражных киносценариев,
приобретенных к постановке
кинокомпанией “Вавилон-продакшн”.

*У каждого из нас - свой учитель в поэзии.
У кого-то это Гумилев,
у кого-то - Мандельштам, у кого-то - Цветаева.
А у Андрея Галамаги учитель - Пушкин.*

Поэт Валентин Устинов.